

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ФЕНОМЕНА КОРРУПЦИИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В ТРУДАХ ЗАРУБЕЖНЫХ И РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ

Яковлев Александр Викторович

магистрант, ИГСУ РАНХиГС, РФ, г. Москва

Корчагин Олег Николаевич

научный руководитель,

Месилов Максим Александрович

научный руководитель,

Аннотация. В статье автор рассматривает различные подходы к определению феномена коррупции и ее причина в теоретических исследованиях отечественных и зарубежных ученых, а так же проводит анализ социологических исследований, объясняющих причины и особенности коррупции в рамках национальных и культурных особенностей глобального мира.

Ключевые слова: коррупция, взяточничество, коррумпированность, специфика коррупции, исследования коррупции, коррупция в России.

Сегодня тема коррупция находится в центре общественного внимания. Особенно среди молодёжи (студентов). Коррупция не только препятствием для социально-экономического и политического развития страны, мешает реализации национальных проектов, но и препятствует дальнейшей интеграции российской экономики в глобальную, ухудшает имидж России за рубежом. Она представляет собой серьезную угрозу функционированию публичной власти на основе права и закона, верховенству закона и подрывает доверие населения (в основном молодёжи, студентов) к власти, существенно замедляет экономическое развитие субъектов Российской Федерации.

Проблемная ситуация заключается в том, что в современной России ведутся меры по борьбе с коррупцией, но все же коррупция присутствует в нашей стране и имеет свои специфические черты в контексте глобализации и межнациональной специфики.

Теоретические подходы к изучению проблем национальных особенностей коррупции в контексте глобализации связаны с различной направленностью существующих научных исследований.

Исследование коррупции можно осуществить на основе структурно-функциональной парадигмы Т.Парсонса [16]. Структурно-функциональная парадигма Парсонса изучает структуру общества, взаимодействие всех ее групп и элементов, их стандартное функционирование. Если какой-то элемент (в данном исследовании коррупция) выходит из-под контроля системы, то структура меняется, деформируется. Коррупция в современном мире - это отклонение от нормы функционирования общества, изменение в худшую сторону.

В научном мире традиционно выделяют четыре методологический подхода к изучению

феномена коррупции:

- 1) традиционный, «идеалистически-философский» («морализаторский», «конвенционный»);
- 2) «ревизионистский»;
- 3) экономический (рыночно-центристский);
- 4) ортодоксальный марксистский/

Исследованием коррупции в России стало уделяться внимание начиная с 70-х годов XX века, основоположником таких исследований стал Здравомысловым Б.В.[11]. В дальнейшем проблемы коррупции были разработаны такими исследователями как Мельников В.Е.[14], Бельский К.С.[10], Мишин Г.К.[15], Комиссаров В.С., Штомпка П., Жилина И.Ю., Дахин А.В., Бондаренко С.В., Барциц И.Н., Никонов М.В. и др. Однако основная часть исследований посвящена анализу правовых категорий, а не этно-социальной составляющей.

В основном база научных знаний о коррупции была сформирована в исследованиях американских ученых, таких как Р. Клитгаард[13], С. Роуз-Аккерман, Г. Таллок, Дж. Шелтон[18] и др.

Интересным примером исследования является опрос, проведенный Генеральной прокуратурой Российской Федерации.

Опрос проводился при помощи Интернет-сайтов Генпрокуратуры России и правоохранительных органов, опросных листов, заполненных респондентами вручную, опросных листов для предпринимателей (при поддержке Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей) и он-лайн опрос через СМС. Было опрошено 38178 респондентов. Опросом было установлено, что коррупция, по мнению респондентов, очень серьезная проблема, которая существует во многих сферах жизни.

Большинство респондентов одобряют политику по ужесточению мер в отношении коррупционеров. Работа органов, призванных бороться с коррупцией, неэффективна с точки зрения опрошенных.

СМИ, Интернет и соцсети – основные источники информации о борьбе с коррупцией. Большинство опрошенных считают, что СМИ умалчивают о многих проявлениях коррупции, а антикоррупционная реклама не оказывает никакого воздействия[17].

В субъектах Российской Федерации, в рамках Национального плана противодействия коррупции на 2018–2020 годы[2] регулярно проводятся социологические опросы, результаты которых отражают в том числе и национальные особенности отношения к коррупции в регионах. В октябре - ноябре 2019 года в целях оценки уровня коррупции в Республике Марий Эл в соответствии с Методикой проведения социологических исследований в целях оценки уровня коррупции в субъектах Российской Федерации, утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 25 мая 2019 г. № 662, проведено очередное ежегодное социологическое исследование. Всего в столице Республики Марий Эл, городских и сельских поселениях республики результативно опрошено 400 респондентов (г. Йошкар-Ола, Медведевский и Советский районы). В г. Йошкар-Оле приняли участие 176 респондентов (79 мужчин и 97 женщин), в Медведевском районе - 131 респондент (63 и 68), в Советском районе - 93 респондента (43 и 50).

Интервьюерами выступали в основном женщины среднего возраста, имеющие среднее специальное или высшее образование, работающие в социальной сфере, сфере образования и культуры, знающие марийский татарский языки. Результаты исследования представлены на сайте Управления главы республики Марий Эл по борьбе с коррупцией[12].

Некоторые подходы к коррупции, которые можно и бы найти больше в экономической литературе, стремились разработать универсальное определение явления, которое позволило бы нам изучать и измерять его вне определенного культурного или социального контекста.

Но другая часть литературы о коррупции, которая чаще всего связана с антропологическим подходом, показала, что мы не можем игнорировать конкретный культурный контекст и систему ценностей при изучении коррупции и что мы должны рассматривать коррупцию не как отдельный акт, а в сети социальные отношения. Трудность проведения различия между даром и взяткой в некоторых обществах, например в переходных обществах России или Китая, где такие практики, как «блат» и «гуаньси», демонстрируют определенную двусмысленность, иллюстрирует, как определенный социальный и культурный контекст формирует наше понимание коррупции.

В связи с неформальной практикой также важно отметить, что правовое понимание коррупции представляет определенные ограничения, поскольку то, что является незаконным, можно понимать как «моральное поведение» в конкретном контексте.

Коррупцию в России можно рассматривать с двух разных точек зрения. В то же время коррупция становится все более транснациональным явлением, которое выходит за рамки, как отмечалось, например, американским ученым Джанин Ведель в ее исследовании транснациональных сетей влияния или «теневых элит». С этой точки зрения коррупция в России имеет некоторые общие черты с проявлениями коррупции в западных обществах, таких как США. Тем не менее, переходные общества, такие как Россия, также создают определенные условия, которые могут привести к определенным проявлениям коррупции. Например, правовая база может представлять определенные неясности, которые оставляют место для толкования и коррупционных действий. Кроме того, в России в 1990-х годах произошло быстрое накопление богатства в руках небольшой группы людей, что происходило на фоне слабой нормативно-правовой базы. В результате повествования о коррупции приобрели особое значение для населения как средства выражения разочарования в связи с быстро растущим неравенством. Однако связь между коррупцией в элите и социальным разочарованием, безусловно, не является специфической для российского контекста, о чем свидетельствуют революции на Ближнем Востоке и в Украине, а также движение «Оккупируй» в Соединенных Штатах.

В настоящее время в России актуальны исследования, которые проводятся НИУ ВШЭ, Лаборатория экономико-социологических исследований. Единственное исследование коррупции с учетом этно-национальной специфики, которое мы обнаружили - диссертационное исследование Лили Ди Пуппо, доцента факультета социологии НИУ ВШЭ, автора курса «Социология коррупции», НИУ ВШЭ. Его исследования, в частности полевые исследования, которые были проведены в Грузии для своей докторской диссертации, скорее направлены на антикоррупционную деятельность, чем на коррупцию как таковую.

Лили Ди Пуппо больше интересуется изучением нарративов о коррупции с помощью этнографического подхода, основанного на интервью и анализе документов и материалов в Интернете, чем попытка собрать «факты» о коррупции. Например, Лили Ди Пуппо интересуется, каким образом нарративы о коррупции используются стратегически, и как их можно рассматривать как участвующих в конституции государства.

Основной вопрос «что объясняет коррупционное поведение» давно мучает ученых и практиков (Най, 1967[6]; Бардхан, 1997[3]). Недавно этому вопросу вновь уделяется внимание в политических и научных кругах, потому что, несмотря на рост и распространение глобального антикоррупционного движения, многие сильно коррумпированные страны добились незначительного прогресса в борьбе с коррупцией.

Миллионы долларов иностранной помощи были направлены странам, получающим помощь, для осуществления различных институциональных мер по сокращению коррупции, причем на эти усилия можно было рассчитывать меньше, чем ожидалось. Сокращение коррупции в развивающихся странах является неотложной задачей, особенно с учетом ее негативного воздействия на экономический рост, доверие к правительству, качество предоставления государственных услуг, экологические результаты, иностранные инвестиции и торговлю, а также уровень неравенства.

Теория рационального выбора долгое время доминировала в академическом исследовании коррупции, антикоррупционной практики и политических подходов. Это объясняет коррупцию

как функцию расчетливого, стратегического, корыстного поведения. С этой точки зрения коррупция особенно вероятна в ситуациях асимметрии власти, когда некоторые лица (агенты) имеют власть над другими (принципалами). Тем не менее, объяснения рационального выбора делают предположения о мотивациях, которые могут быть недействительными. Психология, политическая психология и поведенческая экономика, в частности, создали серьезные проблемы для теории рационального выбора поведения человека.

Политический психолог Джон Мерсер утверждает, что теории рационального выбора «объясняют, как следует рассуждать, а не как на самом деле рассуждают», и они неадекватно объясняют, как люди «принимают решения для достижения результата». В статье «Мышление, быстрое и медленное» Даниэль Канеман пишет: «Определение рациональности как [логической] согласованности невозможно ограничительно; это требует соблюдения правил логики, которые ограниченный разум не способен реализовать». Вместо этого, как показывает работа Канемана, люди восприимчивы к различным когнитивным отклонениям, которые формируют их принятие решений и поведение способами, которые не соответствуют предсказаниям рационального выбора и функционалистских подходов.

Провал политики и программ по борьбе с коррупцией, основанных на рациональном выборе, побудил ученых и практиков по изучению коррупции искать альтернативные подходы для понимания факторов коррупционного поведения на индивидуальном уровне. В частности, произошел поворот к исследованию областей психологии и поведенческой экономики.

Мы нашли несколько исследований о влиянии социального статуса (власти) и восприятия риска; меньшее количество исследований о роли личной выгоды и самоконтроля; и очень мало исследований, касающихся влияния национальности или этнической.

Власть имеет основополагающее значение для изучения коррупции. Это необходимое условие широко принятого определения Клитгаарда и рационального выбора подходов к изучению коррупции. В этом контексте власть определяется как определенные лица, обладающие ответственными степенями власти или власти над процессами принятия решений, создающими выгодные возможности для неэтичного поведения. Согласно этому пониманию, без власти нет коррупции. В результате власть стала одной из основных областей в понимании индивидуальных решений о коррупции.

Начиная с Кипниса (1972), психологи исследовали влияние удержания власти на моральное поведение людей, вероятность злоупотребления властью, взгляды на себя и других. Что касается коррупции, некоторые ученые обнаружили доказательства отрицательной связи между властью и коррупцией. Это может быть потому, что держатели власти стремятся:

- быть более склонным к риску
- искать награды
- испытывать меньше вины и смущения
- меньше сочувствовать другим
- действовать больше из собственных интересов

Ван и Сун (2016) провели эксперименты со студентами и работающими взрослыми в Китае, чтобы выяснить, как взгляды людей на тип власти, которой они обладают - «персонализированную» или «социализированную» - формируют отношение к коррупции и коррупционному поведению. Авторы определяют концепцию власти как «веру в цели, которых нужно достичь, используя свою силу». Люди, которые считают власть персонифицированной, считают, что власть должна использоваться для достижения эгоистичных целей для собственной выгоды. Представление о социализированной власти означает, что владелец власти считает, что власть должна использоваться для достижения других целенаправленных целей. Авторы считают, что наличие персонифицированного взгляда на власть повышает корыстное поведение и терпимость к коррупции, особенно к коррупционному поведению высокопоставленных лиц.

Власть может привести к самоуверенности, большему принятию риска и сосредоточению на наградах (Yar 2013). В пяти отдельных экспериментах Fast и др. (2012) показывают, что власть приводит к чрезмерной уверенности в принятии решений и в конечном итоге приводит

к плохим решениям, которые создают материальные потери для держателя власти. Rusch (2016) утверждает, что эффект чрезмерной уверенности может привести к коррупции в организациях, когда субъективная уверенность в суждениях подавляет объективную точность. Это может исказить самовосприятие этических проблем, когда существует значительный разрыв между тем, как люди считают, что они будут вести себя в данной ситуации, и тем, как они себя ведут. Другими словами, чрезмерная уверенность, которую люди имеют в своей собственной морали, может помешать тем же людям осознать или признать, что они действуют коррупционно (Darley 2005).

Исследования влияния власти показывают, что держатели власти проводят действия, которые приносят пользу самим себе. В полевом эксперименте по лжи Джавади и Фар (2015) показывают, что люди очень хотят обманывать (лгать) ради личной выгоды. Распространяя логику своих выводов на профессиональные организации, авторы утверждают, что люди готовы лгать, даже если выгоды от лжи являются неопределенными. Они также считают, что ложь более вероятна, когда любой потенциальный вред является косвенным и обнаруживается в письменных заявлениях или действиях, а не прямо (лицом к лицу). Готовность лгать перед лицом неопределенных выгод потенциально еще больше в организациях, где неэтичное поведение поощряется, рутинно или даже вознаграждается (Ashforth and Anand 2003).

В своем эксперименте Тревино и Янгблад[9] (1990) показывают, что люди с большим локусом самоконтроля и более развитым когнитивным нравственным развитием с большей вероятностью принимают этические деловые решения. Локус контроля «измеряет восприятие человеком того, насколько он или она контролирует события в жизни», при этом исследования показывают, что люди с большим чувством контроля с большей вероятностью будут поступать правильно. Когнитивное моральное развитие измеряет степень, в которой моральное суждение человека зависит от внешних воздействий, с меньшей зависимостью, ведущей к большей готовности противостоять давлению со стороны властей и противостоять неправильным действиям. В лабораторном эксперименте Реккерс и Самуэльсон[7] (2016) также находят доказательства того, что люди с более сильным локусом контроля и более сильным чувством моральной ответственности с меньшей вероятностью будут выполнять неэтичные запросы руководства с течением времени. Эти результаты подтверждают рекомендацию Теппера (2010) о том, что люди должны получать навыки, позволяющие им противостоять коррупционерам[8].

В обзоре психологических теорий Диманта и их применении к объяснению коррупции обсуждается самоконтроль, но он достигает противоположного значения Тревино и Янгблад. Теория запланированного поведения указывает на важность индивидуальных представлений о степени, в которой они контролируют определенные виды поведения. Личное доверие к определенному поведению влияет на вероятность того, что поведение (например, коррупционное деяние) произойдет.

Menocal и др.[5] (2015) рассматривают два набора исследований взаимосвязи между полом, коррупцией и психологией. Во-первых, психологические исследования свидетельствуют о том, что женщины более склонны к риску, чем мужчины, и менее склонны, чем мужчины, брать взятки. Женщины могут также иметь моральные стандарты, отличные от мужчин, и есть свидетельства того, что они чаще наказывают себялюбие в лабораторных экспериментах, чем участники мужского пола, хотя доказательства этого неоднозначны.

Герреро и Родригес-Орегия (2008) также ставят под сомнение гендерное психологическое объяснение коррупции, утверждая, что любое гендерное различие в коррупционном поведении связано с тем, что мужчины оказываются в более склонных к коррупции взаимодействиях (например, с полицией), чем женщины. Однако женщины чаще взаимодействуют с общественными службами, такими как образование и здравоохранение, где взяточничество и другие формы коррупции распространены (особенно в очень бедных странах), и поэтому выводы Герреро и Родригеса-Орегии могут быть очень зависимы от контекста[4].

Таким образом, до сих пор было очень мало эмпирических работ, в которых проверяется степень влияния национальных особенностей и глобализационная вероятность коррупции.

Требуется больше работы, чтобы лучше понять, как люди понимают и реагируют на восприятие риска и как это влияет на вероятность того, что он будет действовать коррупционно.

Можно утверждать, что в настоящее время исследования отношения к коррупции с точки зрения национальных различий в России практически отсутствуют. Данный пробел необходимо возместить.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)// Российская газета. -1993. - № 237; СЗ РФ. - 2014. - № 30 (ч.1). - Ст. 4202.
2. Указ Президента РФ от 29 июня 2018 г. № 378 "О Национальном плане противодействия коррупции на 2018 - 2020 годы"// <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71877694/>
3. Bardhan P., Corruption and Development: A review of issues, *Journal of Economic Literature*, 1997. Vol. XXXV.
4. Guerrero, M.A. and E. Rodriguez-Oregia. (2008). "On individual decisions on committing corruption: a methodological supplement." *Journal of Economic Behavior and Organization*, 65: 357-372.
5. Menocal, A.R., et al. (2015). "Why Corruption Matters: Understanding Causes, Effects, and How to Measure Them. Evidence Paper on Corruption". London: Department for International Development.
6. Nye J. Corruption and Political Development: a cost-benefit analysis / J. Nye // *American Political Science*. — 1967. — № 2. — P. 299—310.
7. Reckers, P., and M. Samuelson. (2016). "Toward Resolving the Debate Surrounding Slippery Slope Versus Licensing Behavior: The Importance of Individual Differences in Accounting Ethical Decision Making". *Advances in Accounting, Incorporating Advances in International Accounting*, 34: 1-16.
8. Tepper, B.J. (2010). "When Managers Pressure Employees to Behave Badly: Toward a Comprehensive Response". *Business Horizons*, 53: 591-598.
9. Trevino, L.K., and S.A. Youngblood. (1990). "Bad Apples in Bad Barrels: A Causal Analysis of Ethical Decision-Making Behavior". *Journal of Applied Psychology*, 75(4): 378-386.
10. Бельский, К. С. Об уточнении понятия "коррупция" [Текст] / Константин Степанович Бельский // *Государство и право*. - 2012. - № 12. - С. 22-28.
11. Здравомыслов Б.В. Должностные преступления. - М.,1975
12. Итоги социологических исследований// <http://mari-el.gov.ru/anti-corruption/Pages/results-socio-research.aspx>
13. Клитгаард Р. Учет реальности. За пределами спора "государство или рынок" в экономическом развитии / Клитгаард Роберт; Отв.ред. В.Р.Евстигнеев. - М.: Международный Центр Экономического Роста, 1994. - 48с.
14. Мельников Е.Г., Милецкий В.П., Савин С.Д. Системная политика как фактор формирования антикоррупционного климата в современном российском обществе. *Дискурс*. 2019;5(6):72-90.

15. Мишин Г. К. Коррупция: понятие, сущность, меры ограничения. М., 1991. С. 12 и другие.
16. Парсонс Т. Системы современных обществ. М., 1997.
17. Результаты проведения социологического опроса об оценке эффективности применяемых антикоррупционных мер// <https://xn--b1aew.xn--p1ai/anticorr/opros-anticorr>
18. Шеклтон Дж. Коррупция: очерк экономического анализа // Политический журнал., 1978, т.49, № 1, с. 145-158.